

Оноре де Бальзак

Гамбара

Перевод с французского
Наталии Немчиновой

ФТМ

Оноре Бальзак

Гамбара

«ФТМ»

1837

Бальзак О. д.

Гамбара / О. д. Бальзак — «ФТМ», 1837

Безумный гений, музыкант Гамбара, одержим идеей преобразования самых основ музыки, он надеется создать музыку, в которой будут слышны голоса ангелов, а сама она будет построена по законам природы. Однако погоня за совершенством разрушает и искусство Гамбары, и его жизнь.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Оноре де Бальзак Гамбара

Маркизу де Беллуа¹.

Как-то утром у камелька, в великолепном и таинственно уединенном особняке, который надолго останется в наших воспоминаниях, хотя его уже не существует, в том уголке, откуда открывалась перед нами панорама Парижа – от холмов Бельвю до холмов Бельвиля, от Монмартра до Триумфальной арки, что стоит на площади Этуаль, – за чашкой чая шла беседа, в которой вы, как всегда, бросали столько тонких мыслей, рождавшихся внезапно в вашем чудесном уме, сверкавших, как ракеты фейерверка, и мне так хотелось взяться за перо, ибо из ваших слов передо мною возник образ, достойный Гофмана², носитель неведомых миру сокровищ души, пилигрим, уже стоящий у врат рая, уже улавливающий изощренным слухом пение ангелов, но бессильный повторить эти звуки устами, – и вот, призвав на помощь клавиши рояля, он в порыве божественного вдохновения пробегает по этим пластинкам слоновой кости напряженными худыми пальцами, и кажется ему, что он передает пораженным слушателям дивную музыку небес.

«Гамбара» создан вами, я только воплотил вашу идею. Позвольте же мне воздать кесарево кесарю и выразить сожаление, что вас не тянет взяться за перо. В наше время дворянин в борьбе за спасение своей страны должен владеть пером так же хорошо, как и шпагой. Вы вольны, конечно, не думать о себе, но обязаны подумать о своем таланте.

* * *

Первый день 1831 года уж раздарил все свои фунтики с конфетами, уже пробило четыре часа дня, уже в Пале-Руаяль³ хлынула толпа гуляющих, начали заполняться и рестораны. Как раз в это время перед входом в Пале-Руаяль остановилась двухместная каретка, и из нее вышел молодой человек с гордой осанкой, несомненно, иностранец, иначе на козлах его экипажа не сидел бы выездной лакей в треуголке с пышным плюмажем, а на дверцах кареты не красовались бы гербы, которые все еще вызывали негодование в героях Июльских дней⁴. Молодой человек вошел в Пале-Руаяль и смешался с толпой, двигавшейся по галерее; его не удивляло, что идти приходилось весьма медленно из-за этого скопления зевак: по-видимому, для него была привычной неторопливая поступь, иронически именуемая «посольским шагом», однако достоинство его облика немножко отдавало театральностью; черты его были красивы, выражение лица строгое, но шляпа, из-под которой выбивались у левого виска черные локоны, слишком задорно была сдвинута набекрень, и эта ухарская манера не вязалась с его степенным видом; прищуриль глаза, он рассеянно и презрительно поглядывал на толпу. Миловидная гризетка, посторонившись, чтобы дать ему дорогу, вполголоса воскликнула:

– Какой красивенький молодчик!

– Очень уж много воображает о себе! – громко ответила ей дурнушка подруга.

¹ Маркиз де Беллуа, Огюст-Бенжамен (1815–1871) – поэт-драматург, друг Бальзака.

² Гофман, Эрнст-Теодор-Амедей (1776–1822) – немецкий писатель-романтик, автор новелл и сказок, в которых фантастика причудливо переплетается с реальностью.

³ Пале-Руаяль – дворец в Париже, построенный в начале XVII века; во время Бальзака в галереях, пристроенных к дворцу, помещались игорные дома, рестораны, увеселительные заведения, модные магазины; галереи эти были местом любовных свиданий.

⁴ Герои Июльских дней – то есть буржуа, пожинающие плоды Июльской буржуазной революции 1830 года.

Пройдясь по галерее, молодой человек достал из кармана часы, поглядел на циферблат, а затем на небо и досадливо щелкнул пальцами, после чего вошел в табачную лавку, зажег там от горевшей свечи сигару, встал перед зеркалом и, осмотрев свое одеяние, несколько более богатое, чем это дозволяется во Франции законами хорошего вкуса, поправил воротник фрака и черный бархатный жилет, по которому в три ряда была пущена толстая золотая цепочка, несомненно, генуэзской работы, затем он ловким движением набросил на левое плечо теплый плащ, подбитый бархатом, изящно задрапировался в него и возобновил свою прогулку, не обращая внимания на мешаночек, строивших ему глазки. Когда в лавках стали зажигаться огни, а на улице, по его мнению, достаточно стемнело, он направился к площади Пале-Руаяль и словно опасался, как бы его не узнали: он обогнул площадь, но, дойдя до фонтана, юркнул за вереницу фиакров и под этим прикрытием свернул на улицу Фруаманто, весьма грязную, темную и подозрительную улицу, своего рода сточную канаву, которую полиция все еще терпит близ Пале-Руаяля, уже подвергнутого очистке, – подобно тому, как итальянский дворецкий терпит, что неряха-лакей сгребаёт в угол, под лестницу, весь мусор, который выметает из барских покоев. Молодой человек в нерешительности остановился – точь-в-точь прифрантившаяся мешаночка, когда она, вытянув шею, смотрит на мутный ручей, бегущий после дождя по канаве, и не решается перепрыгнуть через него. Однако ж, если незнакомец хотел удовлетворить какую-нибудь постыдную свою прихоть, час был выбран удачно: приди он раньше, его могли бы выследить, а позже – опередить.

Поддаться призывному, но не вызывающему взгляду, целый час, а может быть, целый день ходить следом за молодой хорошенькой женщиной; увидеть в сей незнакомке богиню и весьма выгодно для нее истолковать ее легкомыслие; поверить вдруг в неодолимое, внезапное и взаимное влечение; нарисовать в воображении, воспламененном мимолетной влюбленностью, заманчивый роман, хотя в наш век романы пишут именно потому, что их в жизни больше уже не бывает; мечтать о балконах, серенадах, любовных хитростях, замках и драпироваться в плащ Альмавивы⁵; создать при свете фантазии прекрасную поэму – и вдруг очутиться у дверей притона, а в довершение всего понять, что сдержанность твоей Розины – просто-напросто осторожность, вызванная страхом перед полицией, – какое разочарование, не правда ли? И ведь многие мужчины извели его, хотя ни за что в нем не признаются. Труднее всего признаваться в том, что уязвляет самые естественные наши чувства, а тщеславие как раз и принадлежит к числу таких чувств. Если приключение дальше не заходит, парижанин воспользуется уроком или все позабудет, – словом, беда невелика; но для иностранца все могло обернуться по-иному, и молодой красавец уже побаивался, как бы ему не пришлось дорого заплатить за свое парижское воспитание.

Наш любитель прогулок был миланским дворянином, вынужденным бежать из родной страны, ибо он оказался на подозрении у австрийского правительства⁶ из-за некоторых своих либеральных выходок. В Париже графа Андреа Маркозини встретили с чисто французской любезностью, как всегда у нас встречают человека, обладающего просвещенным умом, громким именем, а вдобавок годовым доходом в двести тысяч ливров и обворожительной наружностью. Для такого счастливца изгнание стало приятным путешествием; в Италии его имущество находилось просто под секвестром, и друзья уведомили графа, что года через два самое большее он без опаски может возвратиться на родину. Граф Андреа, имевший несчастье быть поэтом, написал десяток сонетов, в которых *crudelli affani* рифмовались с *miei tiranni*⁷, оказал из своего кошелька помощь несчастным итальянским эмигран-

⁵ Альмавива – персонаж комедии Бомарше «Севильский цирюльник» и оперы Россини, созданной на сюжет этой комедии.

⁶ Венский конгресс 1814–1815 года закрепил раздробленность Италии. Большая ее часть попала под власть австрийского императора.

⁷ Жестокие разбойники, мои тираны (итал.).

там и после этого счел себя свободным от обязанностей патриота. С первых же дней он, не долго думая, ринулся в море всяческих удовольствий, которые Париж даром предоставляет всякому, кто достаточно богат, чтобы покупать их. Благодаря своей красоте и дарованиям итальянец пользовался особым успехом у женщин, тем более что он, как это свойственно юношам, любил их всех скопом, но еще ни одну среди них не отличал особо. Склонность к женщинам, впрочем, занимала в его душе второе место, а на первом стояла любовь к музыке и поэзии, которую он развивал в себе с детских лет; и ему казалось, что достигнуть в них успеха будет куда более славной победой, чем покорение женских сердец, поскольку в любовных приключениях природа избавила его от трудностей, которые мужчинам нравится преодолевать. Натура сложная, как и многие другие, он с легкостью поддавался соблазнам роскоши, без которой не мог бы жить, и очень дорожил социальными привилегиями, хотя в своих убеждениях отвергал их. Теории этого художника, мыслителя и поэта зачастую вступали в противоречие с его вкусами и привычками дворянина и миллионера; но он не очень этим огорчался, замечая подобные же несообразности у многих парижан – либералов из корыстных побуждений и аристократов по природе. Итак, 31 декабря 1830 года, когда в Париже была нередкая у нас оттепель, граф Андреа Маркозини, к собственному своему удивлению и большому беспокойству, убедился, что его очень заинтриговала женщина, за которой он шел, – женщина, одежда которой свидетельствовала о глубокой, укоренившейся, застарелой, привычной нищете, женщина, которая вовсе не превосходила красотой дам, встречавшихся ему ежевечерне в Итальянском театре, в Опере или в свете, и, несомненно, не такая молодая, как г-жа де Манервиль, назначившая ему свидание как раз на этот день и, быть может, все еще поджидавшая его. Но в нежном и боязливом, глубоком и быстром взгляде черных глаз этой женщины, который она украдкой бросила на него, было столько скорби и подавленной страсти! А как она покраснела, как вспыхнула, когда вышла из магазина, где пробыла с четверть часа, и встретилась взглядом с глазами молодого итальянца, поджидавшего ее в нескольких шагах от двери!.. Словом, тут было столько «но» и «если б», что граф, поддавшись яростному влечению, которому нет имени ни в одном языке, даже в языке распутства, пустился вслед за незнакомкой, охотясь за встреченной гризеткой, словно какой-нибудь старый парижанин. И дорогой, случалось ли ему опередить эту женщину или идти позади нее, он подробнейшим образом рассмотрел и ее самое и ее костюм. Ему хотелось избавиться от нелепой, сумасшедшей прихоти, крепко засевшей в его мозгу, но скоро в этом разглядывании он уже находил наслаждение более пламенное, чем то удовольствие, какое испытывал накануне, любуясь сквозь благоуханную волну надушенной ванны безупречными формами своей возлюбленной. Порой незнакомка, опустив голову, глядела на него искоса, словно козочка, которую привязали к слишком низкому колышку, вбитому в землю, и видя, что преследователь не отстает, ускоряла шаг, как будто пыталась убежать. Однако ж когда скопление экипажей или какая-либо иная помеха останавливали ее и Андреа удавалось ее догнать, наш миланский дворянин замечал, что хоть его взгляд и смущает незнакомку, черты ее не выражают ни малейшей досады. Эти верные признаки подавленного волнения подхлестнули его разгоряченное воображение, и он неотступно следовал за незнакомкой до улицы Фруаманто, куда она устремилась после многих поворотов, полагая, что скрыла свои следы от иностранца, и тот был крайне удивлен таким маневром. Уже настал вечер. Две размалеванные женщины, стоя у прилавка в бакалейной, пили черносмородинную наливку и, увидев молодую женщину, окликнули ее. Она остановилась у порога, коротко, но ласково ответила на их сердечное приветствие и двинулась дальше. На глазах у Андреа, не отстававшего от нее, она вдруг исчезла в одном из самых темных подъездов на этой улице, названия которой он не знал. От омерзительного вида трущобы, где скрылась героиня его романа, итальянцу стало тошно. Отойдя немного, чтобы рассмотреть это место, он оказался рядом с каким-то подозрительным субъектом и вздумал его рас-

спросить. Субъект оперся правой рукой на узловатую палку, левой подбоченился и ответил одним-единственным словом:

– Ловкач!

Но, смерив взглядом итальянца, на которого падал свет уличного фонаря, он изобразил на своем лице благодушную улыбку.

– Ах, прошу прощения, сударь! – заговорил он, уже совсем другим тоном. – В этом доме помещается также и ресторация, нечто вроде кухмистерской, но готовят там скверно и в суп, представьте, кладут сыр! Но, может быть, вам эта стряпня понравится, так как по платью вашему видно, что вы итальянец: все итальянцы любят бархат и сыр. Если угодно, я могу, сударь, указать вам другую ресторацию, получше, в двух шагах отсюда: заведение держит моя жена, и она очень любит иностранцев.

Андреа закутался плащом до самых усов и бросился прочь, гонимый отвращением к гнусному своему собеседнику, у которого и физиономия, и одежда, и жесты вполне соответствовали тому отталкивающему дому, где скрылась незнакомка. Очутившись в своих покоях, он с радостью смотрел на изысканное их убранство и, переодевшись, отправился на вечер к маркизе д'Эспар, надеясь смыть таким образом грязную фантазию, тиранически властвовавшую над ним несколько часов. Но когда он лег в постель и задумался, в ночной тиши вновь возникло перед ним видение, очаровавшее его днем, только более светлое, более живое и одухотворенное, нежели в действительности. Вновь незнакомка шла впереди него; порой, переступая через канаву, она приподнимала платье, и тогда видна была ее округлая ножка; она шла нервной поступью, бедра ее покачивались при каждом шаге; вновь Андреа хотелось заговорить с нею, и он не решался (это он-то, граф Маркозини, миланский дворянин!). Затем он увидел, как она вошла в темные сени, скрылась от него, и теперь Андреа упрекал себя, зачем он не устремился вслед за нею.

«Ведь если она убегала от меня, – говорил он себе, – как будто хотела, чтобы я потерял ее следы, стало быть, я понравился ей. У женщин такого пошиба сопротивление становится доказательством любви. Если бы я довел до конца нынешнее приключение, я, может быть, почувствовал бы к ней отвращение, зато спал бы спокойно».

Граф имел обыкновение подвергать разбору самые живые свои чувства, как это невольно делают люди, обладающие в равной мере и умом и сердцем, и его удивляло, что незнакомка с улицы Фруаманто предстает перед ним не в сказочной прелести одежды, подобающей видениям, а в неприкрашенной, горькой, реальной нищете. Да если бы фантазия избавила эту женщину от нищенского ее одеяния, это бы все испортило: ведь он хотел ее, желал ее, любил ее именно такую, какова она была: в забрызганных грязью чулках, в стоптанных башмаках, в старенькой шляпе из рисовой соломки! Он желал обладать ею в том самом мерзком доме, куда она вошла на его глазах!

«Неужели меня увлекает порок? – испуганно спрашивал он себя. – Нет, до этого я еще не дошел. Мне двадцать три года, и я не похож на пресыщенных старых распутников».

Самая сила прихоти, игрушкой которой он оказался, несколько успокаивала его. Эта странная борьба, эти размышления и любовь «на ходу» справедливо могут показаться удивительными некоторым людям, привыкшим к парижским нравам, но им следует помнить, что граф Андреа Маркозини не был французом.

Андреа, которого воспитывали два аббата и, согласно воле ханжески благочестивого отца, их питомца редко отпускали на волю, не был в одиннадцать лет влюблен в свою кузину, а в двенадцать не соблазнял горничной своей матери; он не учился в тех коллежах, где дают самое усовершенствованное, но иное образование, чем в казенных учебных заведениях, и, наконец, в Париже он жил всего лишь несколько лет; итак, он был еще доступен внезапным и глубоким впечатлениям, против коих воспитание и нравы французов воздвигают мощную преграду. В южных странах великая страсть зачастую рождается с первого взгляда.

Некий гасконский дворянин, много размышлявший о том, как умерить свою чувствительность, составил для себя тысячу мелких рецептов против внезапных ударов, парализующих и ум и сердце, советовал графу по крайней мере раз в месяц предаваться грандиозной оргии, чтобы предотвратить эти бури душевные, которые без такой предосторожности раздражаются весьма некстати. Андреа вспомнил этот совет. «Прекрасно, – решил он. – Начну завтра же, первого января».

Вот почему граф Андреа Маркозини, опасливо лавируя, направился на улицу Фруаманто. Человек элегантный мешал влюбленному, и он долго колебался; но, воззвав последний раз к своему мужеству, итальянец довольно твердыми шагами двинулся вперед и дошел до дома, который узнал без труда. Тут он опять остановился. А что, если эта женщина совсем не такова, какой он вообразил ее себе? Вдруг да сделаешь ложный шаг! Тогда он вспомнил об итальянской кухмистерской и поспешил воспользоваться этим безобидным средством: оно могло послужить его прихоти и избавить от отвращения. Решив пообедать здесь, он вошел в темный коридор и в глубине его после долгих поисков осязательно нашел наконец лестницу с сырыми и липкими ступенями, столь крутую, что важному итальянскому синьору она должна была показаться простой стремянкой. Лампочка, поставленная прямо на пол на площадке второго этажа, и сильный кухонный чад привели его к цели; он толкнул полуотворенную дверь и вошел в большую комнату, где все почернело от грязи и копоти и где какая-то старая ведьма хлопотала вокруг обеденного стола, накрытого человеком на двадцать. Никого из посетителей еще не было. Окинув взглядом полутемную комнату, в которой обои отстали от стен и висели клочьями, наш дворянин уселся возле печки, дымившей и гудевшей в углу. Внезапно появился хозяин, привлеченный шумом, который произвел граф, входя в кухмистерскую и пристраивая на вешалку свой плащ. Вообразите себе повара, тощего, долговязого, наделенного непомерно большим и толстым носом, порой озиравшегося с лихорадочной живостью и бросавшего вокруг быстрый взгляд, казавшийся ему пронизательным. Увидев Андреа, весь облик которого говорил о большом достатке, *il signor* Джиардини почтительно поклонился. Граф выразил желание столоваться в его заведении в обществе своих соотечественников, заранее оплатил некоторое количество билетов и, желая поскорее перейти к цели, искусно придал беседе приятельский характер. Едва он заговорил о своей незнакомке, *il signor* Джиардини сделал комический жест и, хитро улыбаясь, посмотрел на гостя.

– *Basta!* – воскликнул он. – *Capisco*⁸, ваше сиятельство, вас привел сюда двойкий аппетит. Синьора Гамбара зря времени не потеряла, если ей удалось заинтересовать такого щедрого синьора, каким вы кажетесь. Я в нескольких словах расскажу все, что нам известно об этой бедной женщине, поистине достойной жалости. Муж ее, кажется, уроженец Кремоны, сюда приехал из Германии; он, видите ли, хотел ознакомиться с новой музыкой и с новыми музыкальными инструментами. У кого? У этих *Tedeschi*⁹. Ну, не жалость ли? – сказал Джиардини, пожимая плечами. – Синьор Гамбара считает себя великим композитором, но в житейских делах он, по-моему, простак. Впрочем, человек он деликатный, здравомыслящий и даже глубокого ума, иной раз весьма приятный, в особенности, когда подвыпьет, что случается редко ввиду крайней его бедности. День и ночь он сочиняет воображаемые оперы и симфонии вместо того, чтобы зарабатывать кусок хлеба, как все порядочные люди. Его жена, бедняжка, вынуждена гнуть спину за иглой, обшивать заказниц, – признаться сказать, всякую шваль! Что поделаешь! Она любит своего мужа! Как отца, любит и заботится о нем, как о ребенке. Много молодых людей обедало у меня, чтобы поухаживать за синьорой Гамбара, но ни один не имел успеха, – добавил синьор Джиардини, подчерки-

⁸ Довольно! Понял! (итал.).

⁹ Немцев (итал.).

вая последние три слова. – Синьора Марианна добродетельна, милостивый государь, слишком добродетельна, на свою беду. А нынче поклонники даром ничего не дают. Бедняжка умрет, надорвавшись на работе. И вы думаете, муж вознаграждает ее за такую преданность? Как бы не так! Синьор композитор даже не улыбнется ей. Они сидят на одном хлебе, потому что этот дьявол ни гроша не зарабатывает да еще тратит плоды тяжких трудов своей жены на музыкальные инструменты и целыми днями то обтачивает их, то удлинняет, то укорачивает, разбирает и опять собирает – до тех пор мудрует над ними, пока не извлечет из них такие звуки, что кошки и те разбегаются. Зато он тогда доволен! Но вот посмóтрите на него и убедитесь, что он кротчайший и милейший из людей. И совсем не ленивец, он вечно трудится. Знаете, что я вам скажу? Он сумасшедший и не сознает этого. Я видел, как он обрабатывал свои инструменты напильником, молотком и ел за работой черный хлеб с таким аппетитом, что мне даже завидно стало, а ведь у меня, сударь, лучший стол во всем Париже. Да-с, ваше сиятельство, через четверть часика вы узнаете, что я за человек. Я ввел в итальянскую кухню самые изысканные блюда! Вы будете поражены. Ваше сиятельство, я неаполитанец и, стало быть, прирожденный повар. Но к чему нам инстинкт без науки? Я отдал тридцать лет жизни, чтобы овладеть ею, и вот до чего она довела меня! Повесть моей жизни печальна, как у всех даровитых людей. Мои искания, мои опыты разорили три ресторана, которые один за другим я открывал – в Неаполе, в Парме и в Риме. Даже и теперь, когда я вынужден обращать свое искусство в ремесло, я слишком часто предаюсь страсти, господствующей надо мною. Я угощаю бедных изгнанников своими любимыми кушаньями. Я, таким образом, разоряюсь. По собственной глупости, скажете вы. Знаю! Но что поделаешь! Призвание влечет меня, и я не могу противиться своему таланту, готовлю чудесные блюда собственного изобретения. Мои столовники всегда это замечают. Клянусь, они сразу угадывают, кто – я или моя жена – состряпал блюдо. И что же получается? Из шестидесяти с лишком гостей, которых я ежедневно видел за своим столом, когда открыл эту жалкую ресторацию, нынче у меня бывает человек двадцать, да и тех я кормлю по большей части в кредит. Уроженцы Пьемонта и Савойи ушли, но знатоки, люди со вкусом – словом, настоящие итальянцы – остались мне верны. Ради них-то я иду на любые жертвы! Зачастую я за двадцать пять су с головы даю им обед, который мне самому обходится вдвое дороже.

В речах синьора Джиардини чувствовалось столько простодушной неаполитанской хитрости, что граф был очарован: ему казалось, что он в театре Жероламо.

– Раз так, дражайший хозяин, – фамильярно сказал он повару, – раз благодаря случаю и вашему доверию я проник в тайну ваших ежедневных жертв, позвольте мне удвоить сумму.

С этими словами Андреа пустил волчком по крышке переносной печки золотой в сорок франков. Джиардини торжественно вручил ему сдачи – два франка пятьдесят сантимов, очень позабавив даятеля церемонными ужимками.

– Через несколько минут вы увидите свою *donnina*¹⁰. Я посажу вас рядом с мужем, и, если вы желаете понравиться ему, заведите разговор о музыке... Я пригласил их обоих. Бедняжки! По случаю Нового года я угощу своих гостей необыкновенными блюдами, в приготовлении коих, думается мне, я превзошел самого себя!..

Голос синьора Джиардини заглушили шумные поздравления гостей, являвшихся по двое, поодиночке, довольно неаккуратно, как то обычно бывает в табльдотах. Джиардини подчеркнуто держался подле графа и, взяв на себя роль чичероне, характеризовал ему своих завсегдатаев. Он старался шуточками вызвать улыбку на устах графа, верным чутьем неаполитанца угадывая в нем богатого покровителя, у которого можно будет пожить.

– Вот этот, – говорил он, – горе-композитор. Жаждет перейти от романсов к опере, да не может. Жалуется на директоров, на владельцев нотных магазинов, на всех решительно,

¹⁰ Тут – дамочка (итал.).

кроме самого себя, хотя он сам-то и есть злейший свой враг... Посмотрите, какой он румяный, цветущий, сколько самодовольства в его чертах, как мало в них твердости и воли. Такому только романсы и сочинять!.. А тот, который пришел с ним, похож на уличного торговца спичками, не правда ли? Меж тем это одна из величайших в музыке знаменитостей – Джигельми! Крупнейший итальянский дирижер. Но он оглох и доживает свой век очень печально, лишившись всего, что украшало его жизнь! О! Вот и наш великий Оттобони, простодушный старец, добрейшее на свете существо. Но его заподозрили в том, что он самый ярый из тех, кто жаждет возрождения Италии. Подумайте! Как можно было подвергнуть изгнанию такого почтенного старца!

Тут Джаирдини посмотрел на графа, но тот, догадываясь, что его прощупывают в отношении политики, из осторожности застыл в чисто итальянской неподвижности.

– Ресторатор, обязанный стряпать на всех, должен запретить себе иметь какие-либо политические убеждения, ваше сиятельство, – продолжал Джаирдини. – Но любой человек, взглянув на этого доброго старика, больше похожего на овечку, нежели на льва, сказал бы то же самое при ком угодно, даже при самом австрийском посланнике. К тому же настало время, когда свободу уже не преследуют, и вскоре она возобновит свое триумфальное шествие! Так, по крайней мере, думают эти славные люди, – сказал он на ухо графу. – Зачем же я буду разрушать их надежды? Однако сам я не питаю ненависти к абсолютизму, ваше превосходительство! Каждый великий талант тяготеет к абсолютизму! А, знаете, Оттобони, при всей своей гениальности, несет неслыханно тяжкий труд ради просвещения Италии, – он сочиняет маленькие книжечки, способствующие умственному развитию детей и простолюдинов, и очень ловко переправляет их в Италию; он всячески старается содействовать нравственному усовершенствованию нашей несчастной родины, которая свободе предпочитает наслаждения, – в чем она, быть может, и права.

Граф по-прежнему хранил бесстрастный вид, и повару-кухмистеру не удалось угадать истинные его политические убеждения.

– Оттобони, – продолжал он, – святой человек, золотое сердце, готов каждому помочь, все наши изгнанники его любят; ведь и либерал, ваше превосходительство, может иметь добродетели!.. Ага, вот и журналист, – оживился Джаирдини, указывая на человека, одетого так, как рисовали прежде поэтов, обитающих на чердаках: на нем был потертый фрак, рваные сапоги, засаленная шляпа и жалкий, пришедший в полную ветхость редингот. – Ваше сиятельство, вот даровитый и неподкупный человек! Только ему бы не в наше время жить: он режет людям правду в глаза, все его терпеть не могут. Он дает в двух безвестных газетках отчеты о театральных спектаклях, а ведь такой образованный литератор мог бы писать в больших газетах. Бедняга!.. Других не стоит вам представлять, они того не заслуживают, да вы, ваше сиятельство, и сами их разгадаете, – сказал Джаирдини, заметив, что граф уже не слушает его, ибо увидел жену композитора.

Синьора Марианна при виде Андреа вздрогнула и залилась краской.

– Вот он, – тихо сказал Джаирдини и, сжав локоть графа, указал на высокого, худого человека. – Смотрите, какой он бледный, какое суровое лицо! Ах, бедняга! Должно быть, у него сегодня незадача. Сел на своего конька, а тот не слушается, скакать не хочет.

В любовные замыслы Андреа внесло расстройство поразительное обаяние Гамбара, привлекавшее к нему каждую истинно художественную натуру. Композитору исполнилось сорок лет; его широкий лоб с залысинами прорезали преждевременные, еще неглубокие морщины; от худобы виски у него как бы ввалились, сквозь тонкую гладкую кожу просвечивали синие жилки, глубоко запали в орбиты глаза с тяжелыми веками и светлыми ресницами; однако плавные линии и мягкие очертания нижней части лица придавали ему большую молоджавость. Наблюдая его со стороны, можно было с первого же взгляда понять, что у этого человека подавлены все страсти и за их счет господствует интеллект, что постарел

он в каком-то великом душевном борении. Андреа бросил испытующий взгляд на Марианну: ее прекрасная итальянская головка, поражавшая благородством пропорций, правильные черты, великолепные краски свидетельствовали, что в ее организме гармонически уравновешены все силы человеческие, и ему стало ясно, что глубокая пропасть разделяет два эти существа, соединенные волей случая. Усматривая в этом различии между супругами счастливое для себя предзнаменование, он, однако, вовсе не думал отказываться от другого чувства, которое могло воздвигнуть преграду между ним и красавицей Марианной. К человеку, чьим единственным сокровищем она была, он уже чувствовал нечто вроде почтительной жалости; по его кроткому и грустному взгляду Андреа угадывал в нем страдальца, с достоинством и спокойствием встречающего свои несчастья. Он ожидал увидеть в лице этого музыканта одного из тех комических персонажей, каких столь часто выводят на сцену немецкие сочинители и поэты, кропающие либретто, а перед ним появился человек простой и сдержанный, у которого и манеры и одежда не имели в себе ничего странного и даже не лишены были известного изящества. Костюм его, исключавший всякую мысль о роскоши, был более приличен, чем то соответствовало крайней бедности; белизна сорочки говорила о том, что кто-то с нежной заботой печется о всех мелочах его жизни. Андреа устремил влажный взор на Марианну, и на этот раз она ничуть не покраснела, – даже легкая улыбка тронула ее губы, улыбка гордости, вызванной этим безмолвным восхищением. Граф, влюбленный страстно и подстерегавший малейший знак благосклонности, счел себя любимым, раз он был так хорошо понят. С этой минуты он больше старался покорить мужа, чем жену, и направил все свои батареи против бедного синьора Гамбара, который, ничего не подозревая, поглощал *bosconi*¹¹ синьора Джииardini, не замечая их вкуса. Граф завел разговор на какую-то избитую тему, но с первых же слов убедился, что Гамбара, быть может, справедливо считавшийся слепым в определенном вопросе, является во всем остальном весьма прозорливым, и нужно постараться не столько льстить фантазиям этого глубокомысленного человека, сколько постараться понять его идеи. Остальные столовники, люди голодные, у которых за обедом, хорошим или дурным, пробуждалось остроумие, выказывали самое недоброжелательное отношение к несчастному композитору и явно ждали только, когда они покончат с тарелкой супа, чтобы пуститься в насмешки над ним. Один из сотрапезников, который то и дело бросал на Марианну нежные взоры, выдававшие его претензии завоевать сердце итальянки, и вообразивший, что он уже значительно преуспел в этом, попытался высмеять Гамбара и повел на него атаку, желая показать новому гостю, какие обычаи здесь царят.

– Что-то мы давненько не слышим об опере «Магомет»! – воскликнул он, улыбаясь Марианне. – Неужели Паоло Гамбара погряз в домашних заботах и так поглощен житейскими радостями, что пренебрегает своим сверхчеловеческим талантом? Как он допускает, чтобы охладела его гениальность и остыло воображение?

Гамбара знал всех столовников и чувствовал себя настолько выше их, что больше уже не давал себе труда отбивать их нападения: он ничего не ответил.

– Не всем дано столько ума, – заговорил журналист, – чтобы понимать музыкальные творения синьора Гамбара. Это, вероятно, и мешает божественному маэстро проявить свой талант перед славными парижанами.

– Напрасно, – сказал сочинитель романсов, до той минуты открывавший рот лишь для того, чтобы поглощать все, что подавалось на стол. – Напрасно. Я знаю талантливых людей, отнюдь не презирающих мнение парижан. Мои музыкальные произведения пользуются некоторой известностью. Легкие арии, написанные мною для водевилей, и мои контрдансы имеют большой успех в гостиных, – добавил он с самодовольно скромным видом. –

¹¹ Кушанья (итал.).

Но это только начало: я рассчитываю, что вскоре будет исполнена месса, созданная мною по поводу годовщины смерти Бетховена, и я уверен, что в Париже меня поймут лучше, чем где бы то ни было. Надеюсь, вы, сударь, окажете мне честь присутствовать на этой мессе, – добавил он, обращаясь к Андреа.

– Благодарю вас, – ответил граф. – Я не одарен достаточно тонким слухом, чтобы оценить французские песнопения. Но вот, если бы вы умерли, сударь, и Бетховен написал бы заупокойную мессу, я непременно пришел бы послушать.

Эта шутка оборвала выпады людей, желавших для развлечения нового сотрапезника заставить Гамбара говорить о том, что являлось его манией. Но Андреа было противно, что пошлое здравомыслие этих господ обращало в посмешище столь благородное и трогательное безумие. Без всякой задней мысли он продолжал вести со своим соседом бессвязный разговор, и то и дело, когда собеседники обменивались репликой, между ними просовывал нос синьор Джиардини. Всякий раз, как у Гамбара вырывалась шутка хорошего тона или какое-нибудь парадоксальное замечание, кухмистер вытягивал шею, бросал на композитора жалостливые взгляды, а на графа – взгляды понимающие и говорил ему на ухо: «E matto»¹².

Настала минута, когда кухмистеру пришлось прервать свои глубокомысленные замечания и заняться второй переменной блюд, которой он придавал величайшее значение. В его недолгое отсутствие Гамбара, наклонившись к Андреа, сказал вполголоса:

– Добряк Джиардини грозил угостить нас сегодня блюдом собственного изобретения: советую оставить сие кушанье в неприкосновенности, хотя оно и приготовлено под наблюдением его супруги. У этого славного человека мания вводить новшества в кулинарию. Он разорился на таких опытах и в результате последнего из них должен был покинуть Рим без паспорта, – об этом обстоятельстве он умалчивает. Он, видите ли, купил прославленный ресторан и получил заказ приготовить парадный обед, который желал дать новопосвященный кардинал, еще не имевший своего хозяйства. Джиардини решил, что ему представился случай отличиться, и действительно отличился: в тот же день к вечеру он был обвинен в намерении отравить весь конклав¹³, и вынужден был бежать из Рима и из Италии, не успев уложить чемоданы. Это было для него последним ударом, и теперь он...

Гамбара приставил палец ко лбу и покачал головой.

– Впрочем, – добавил он, – Джиардини – человек добрый. Жена говорит, что мы ему многим обязаны.

Появился Джиардини, осторожно держа в руках блюдо; поставив его на стол, он скромно сел возле Андреа и ему первому положил кушанье на тарелку. Но, попробовав это яство, граф почувствовал, что второго кусочка ему не проглотить. Это привело его в крайнее смущение, он совсем не хотел огорчать повара, внимательно следившего за ним. Если французский ресторатор не очень тревожится, когда его стряпней пренебрегли, – ему все равно, лишь бы заплатили, – не думайте, что так же ведет себя итальянский ресторатор: для него зачастую мало бывает простой похвалы. Чтобы выиграть время, Андреа принялся горячо поздравлять Джиардини. Наклонившись к сему поварских дел мастеру, он сунул ему под столом в руку золотой и попросил сходить в лавку купить несколько бутылок шампанского, предоставив ему право приписать самому себе честь такой щедрости.

¹² Он сумасшедший (итал.).

¹³ Конклав – совет кардиналов, собирающийся для избрания римского папы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.